
МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ

YOUNG SCIENTIST

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2026. Т. 13. № 1. Art. ID m12s04a10.

Economic and Social Research. 2026. Vol. 13. No. 1. Art. ID m12s04a10.

Научная статья

УДК 1(091)

DOI: 10.24151/2409-1073-2026-13-1-m12s04a10

EDN: MBWSMI

Идея государственного суверенитета в философии неоевразийства

В. Л. Бондарев¹✉, А. В. Леонов²

^{1, 2} Государственный университет просвещения, Москва, Россия

✉ kaf-filosof@guppros.ru

Аннотация. Официальная идеология и внешнеполитическая практика России в 2010–2020-х гг. формировались под значительным влиянием идей неоевразийства, что обусловливает *актуальность* настоящего исследования. *Цель:* определение вектора трансформации идеи государственного суверенитета в философии неоевразийства — современной ревизии классического евразийства, адаптированной к условиям глобализации и постбиполярного мира. *Методология:* работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов историко-философской реконструкции и герменевтики. *Результаты:* установлено, что в неоевразийстве суверенитет трансформируется из правовой в цивилизационно-онтологическую категорию, становясь основой для идеологического проекта, направленного на утверждение России как центра силы в многополярном мире и главного противовеса западному либеральному проекту. *Теоретическая и практическая значимость:* результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании философских компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: неоевразийство, государственный суверенитет, мессианство, традиционализм, цивилизационный проект

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Бондарев В. Л., Леонов А. В. «Идея государственного суверенитета в философии неоевразийства». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.1 (2026): m12s04a10. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-1-m12s04a10>
EDN: MBWSMI.

Original article

The idea of state sovereignty in the philosophy of neo-Eurasianism

V. L. Bondarev¹✉, A. V. Leonov²

^{1, 2} State University of Education, Moscow, Russia

✉ kaf-filosof@guppros.ru

Abstract. The official ideology and the foreign policy practice of Russia in the years 2010 to 2022 were formed under significant influence of ideas of neo-Eurasianism, which substantiates the *relevance* of this study. *Aim:* to determine the vector of transformation of the idea of state sovereignty in the philosophy of neo-Eurasianism — a contemporary revision of classical Eurasianism adapted to the conditions of globalization and the post-bipolar world. *Methodology:* the study is based on a systems approach and employing methods of historical and philosophical reconstruction and hermeneutics. *Results:* it has been established that in neo-Eurasianism, sovereignty is transformed from a legal to a civilizational and ontological category, becoming the basis for an ideological project aimed at establishing Russia as a center of power in a multipolar world and the main counterweight to the Western liberal project. *Theoretical and practical significance:* the results of the study can be used to improve the philosophical competencies of both teachers and students of philosophy.

Keywords: neo-Eurasianism, state sovereignty, messianism, traditionalism, civilizational project

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Bondarev V. L., Leonov A. V. “The Idea of State Sovereignty in the Philosophy of Neo-Eurasianism”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 13.1 (2026): m12s04a10. (In Russian).

<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-1-m12s04a10>

Введение

Идея государственного суверенитета является центральной в философии неоевразийства, однако сегодня она понимается не в классическом либерально-вестфальском смысле, а в особом, цивилизационном и геополитическом ключе. Неоевразийство, прежде всего в версии А. Г. Дугина, представляет собой современную ревизию классического евразийства 1920-х гг., адаптированную к условиям глобализации и постбиполярного мира. Суверенитет представляется здесь не просто как юридическая независимость, а как фундаментальное онтологическое условие

существования цивилизации.

Степень разработанности проблемы. Истоки и теоретико-методологическая база (классическое евразийство) представлены в трудах Н. С. Трубецкого, Н. Н. Алексева, П. Н. Савицкого, В. Н. Ильина, Л. П. Карсавина. Преемственность идей и становление неоевразийства рассмотрены в сочинениях Л. Н. Гумилева.

Поскольку течение неоевразийства неоднородно, важно кроме А. Г. Дугина, являющегося систематизатором и главным популяризатором этой идеологии, выделить и других авторов, которые развивают разные аспекты этого направления: геополитиче-

© Бондарев В. Л., Леонов А. В.

ский (А. С. Панарин, Г. Б. Гавриш, Т. А. Кольчугина), экономический (С. Ю. Глазьев, А. Ю. Прудников, И. А. Исаев), исторический (М. Г. Делягин, М. И. Билялов, Н. А. Славова, А. И. Овчинников). В цивилизационном ракурсе неоевразийство рассматривается в работах Ю. В. Колесниченко, Я. В. Бондаревой, С. Г. Ильинской, Е. В. Алёхиной, В. Л. Курабцева. Также важно подчеркнуть, что неоевразийство представляет собой не чисто философское движение, а скорее интеллектуально-политическое, с сильным акцентом на практическое применение.

Основные принципы понимания суверенитета в неоевразийстве

1. *Полный (тотальный) суверенитет против однополярного мира.* Неоевразийство исходит из идеи многополярности мира, который должен состоять из нескольких крупных «Больших пространств», в формулировке К. Шмитта (Шмитт, 2008). Каждое из них представляет собой самостоятельную цивилизацию со своей ценностной и политической системой. Государственный суверенитет в таком мире возможен только как *цивилизационный суверенитет*, а Россия как ядро «евразийской цивилизации» призвана отстаивать свой суверенитет не только для себя одной, но как гарант суверенитета всех незападных цивилизаций (исламской, индийской, китайской и др.) в борьбе против глобального доминирования атлантистского Запада (США и их союзников). Бездумное избавление от идейно-культурного наследия прошлых эпох российской культуры названо А. Г. Дугиным «капканом западноцентричного универсализма» (Дугин, 2024а: 10), который доминировал «в течение последних 33 лет, а с учетом советского интернационализма и особого альтер-

нативного западничества — целого столетия, и оказался совершенно неприемлемым в условиях ведения СВО как прямого столкновения цивилизаций — России как государства-цивилизации с цивилизацией современного глобалистского ультралиберального Запада...» (Дугин, 2024а: 10).

2. *Суверенитет как суверенитет ценности и истины.* Это положение является ключевым для философии неоевразийства, поскольку западный либерализм в ее трактовке — это не просто иная политическая модель, а тоталитарная идеология, отрицающая саму возможность иных истин и являющаяся, по существу, универсалистской и экспансионистской. Именно поэтому подлинный суверенитет в понимании неоевразийцев — это прежде всего смысловой и ценностный суверенитет, при котором государство (в неоевразийстве — государство-цивилизация) обладает правом на собственную систему ценностей, отличную от либерально-демократической: традиционные ценности, коллективизм, идею служения, преобладание духовного над материальным, справедливости над не осмысленной с точки зрения ответственности свободой (вседозволенностью)¹. С позиций неоевразийства, быть суверенным — значит иметь свою идею-правду, хотя, по словам А. Г. Дугина, последняя «диспенсация» «остается открытой и трудно заведомо сказать, к чему она приведет» (Дугин, 2024б: 220).

3. *Иерархия суверенитетов и концепция «Большого пространства».* Неоевразийцы, анализируя цивилизационную структуру, исходят из ее иерархичности, при которой внутри евразийской цивилизации суверенитеты выстраиваются от низшего к высшему. Высший уровень представ-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

лен цивилизационным суверенитетом России как «цивилизации-государства» (heartland), на втором уровне расположен государственный суверенитет национальных государств в составе этого пространства. Впрочем, этот суверенитет не является абсолютным, предполагается, что он должен быть согласован с интересами и ценностями общей цивилизации. В этой части мы наблюдаем укрепление специфической идеи национально-цивилизационной корреляции — «суверенитет в обмен на лояльность» общей геополитической и ценностной оси. И наконец, на антропологическом (низовом) уровне неоевразийство принципиально отрицает суверенитет индивида в либеральном понимании (как абсолютную автономию), поскольку индивидуальные права и свободы не должны противоречить высшим цивилизационным целям и традиционным ценностям.

4. *Экономический и технологический суверенитет*, трактуемый как практическое условие, поскольку суверенитет невозможен без экономической автаркии (самодостаточности) в ключевых отраслях, контроля над ресурсами и развития собственных технологий с целью избежать зависимости от враждебного «морского» (атлантистского) мира. В то же время для сторонников неоевразийства экономика не является самоцелью и не представляет собой математическую сумму рыночных законов, но служит инструментом обеспечения цивилизационного существования и геополитической независимости. В данном случае логика «экономической эффективности» в полной мере подчинена логике «стратегической необходимости» (Дугин, 2007).
5. *Суверенная демократия vs либеральная демократия*. Неоевразийцы критикуют западную демократию как инструмент гегемонии и манипуляции. В противовес

ей выдвигается идея «суверенной демократии» (концепция, близкая к официальной риторике 2000-х гг.), где народ (как целостный организм) выражает свою волю через суверенную власть, не ограниченную внешними центрами силы (НПО, транснациональные корпорации, международные институты, навязывающие либеральные нормы). Настоящая суверенная демократия, с точки зрения неоевразийцев, — это демократия вертикали, а не горизонтали.

6. *Четвертая политическая теория (4ПТ) как философская основа*. А. Г. Дугин, развивая идеи неоевразийства, основывается на «Четвертой политической теории» (Дугин, 2009) как альтернативе трем идеологиям модерна: либерализму, коммунизму и фашизму. Суверенитет в 4ПТ представляет собой суверенитет Dasein («бытия-там», в терминологии М. Хайдеггера), т. е. конкретного исторически укорененного народа. Речь в данном случае идет о бытийном, а не политико-юридическом суверенитете в привычном понимании. Именно бытийный суверенитет формулирует главную задачу государства — защищать экзистенциальную самобытность своего народа от нивелирующего воздействия глобального модерна: «Если Россия выбирает “быть”, то это автоматически означает — созидать Четвертую Политическую Теорию. В противном случае — остается “не быть” и тихо сойти с исторической арены, раствориться в глобальном, созданном не нами и управляемом не нами мире» (Дугин, 2009: 3).

По своему характеру данная концепция суверенитета является:

- антилиберальной, поскольку отрицает универсальность прав человека в их западной трактовке;
- антиглобалистской, поскольку выступает против глобального управления и космополитизма;

- традиционалистской, поскольку ищет основу в домодерных, сакральных ценностях;
- геополитически детерминированной, поскольку основана на дуализме Суши (теллурократия, Россия-Евразия) и Моря (талассократия, атлантический Запад).

Влияние на современную российскую политическую практику

Идеи неоевразийства, особенно о многополярности, цивилизационном суверенитете, противостоянии с атлантистским Западом и необходимости ценностного суверенитета, оказали значительное влияние на формирование официальной идеологии и внешнеполитической практики России в 2010–2020-х гг. Концепции «Русского мира», защиты традиционных ценностей, курс на создание независимых финансовых и информационных систем — всё это весьма плотно переплетается с неоевразийской программой.

Таким образом, в неоевразийстве государственный суверенитет трансформируется из правовой категории в цивилизационно-онтологическую и гносеологическую. По справедливому замечанию Ю. В. Колесниченко, «именно в евразийской теории впервые был достигнут теоретический предел так называемого универсального международного, а по сути, Западного права. Евразийскую же теорию права как подотрасли международного регионального права <...> фундирует евразийская философия, точнее, ее гносеология, ее теория познания» (Колесниченко, 2025: 98). Это не просто право на независимое решение, а право на собственную онтологию, гносеологию, а значит — свою Правду, свою цивилизационную альтернативу глобальному либеральному проекту. Россия как сердцевина Евразии видится неоевразийцам главным защитником этого принципа в современном мире.

Мессиянство как высшая форма суверенитета

Рассуждая о русском мессиянстве как идеологическом базисе современного неоевразийства, следует отметить, что мессиянство здесь трактуется скорее не как религиозный феномен, а как геополитический. Идея русского мессиянства, с его представлением о России как о народе-богоносце, носителе особой духовной миссии, призванном спасти или обновить мир, является ключевой унаследованной идеологемой, которую неоевразийцы радикально перерабатывают, секуляризуют и встраивают в свою геополитическую и многополярную парадигму.

Исторические корни русского мессиянства ведут свое начало от идеологемы конца XVI в. «Москва — Третий Рим», представляющей собой религиозно-политическую концепцию, согласно которой Россия является последним оплотом истинного христианства, наследницей Римской и Византийской империй, несущей ответственность за сохранение православной веры до конца времен.

В XIX в. славянофилы и почвенники, взяв за основу эту концепцию, дополнили ее идеей об особом культурно-историческом пути России, основанном на православии и соборности, в его противопоставленности «гниющему», «бездуховному» Западу. Миссия России рассматривается здесь как оздоровление мира (прежде всего европейского) через приобщение к русской духовности.

Классическое евразийство (1920–30-е гг.), представленное Н. С. Трубецким (Трубецкой, 1920), П. Н. Савицким, Л. П. Карсавиным, сместило акцент с этнически-славянского на цивилизационно-географический проект. Россия-Евразия, по мысли представителей этого направления, представляет собой отдельную состоявшуюся цивилизацию, «месторазвитие», синтез славянских, тюркских, угорских народов под руководством русских. Миссия России усматривалась в стремлении отстоять эту уникальную цивилизацию

в противостоянии с романо-германским Западом, вставшим на путь рационализма, индивидуализма и бездуховности.

Однако неоевразийство — менее рельефно в конце XX в. и более четко в 2020-е гг. — осуществляет своеобразную «перезагрузку» идеи русского мессианства, главным образом в лице А. Г. Дугина, проводя эту историческую идеологию (впрочем, для многих — мифологему) через несколько фильтров:

А. Геополитика (методологический ориентир — К. Хаусхофер (Хаусхофер, 2022, 2024), Х. Маккиндер (Маккиндер, 2023)), в рамках которой мир делится на цивилизации — «Большие пространства». В этой цивилизационной парадигме миссия России заключается в том, чтобы контролировать Хартленд («сердцевинную» землю Евразии), что, в свою очередь, является ключом к мировой геополитической стабильности. В этом разрезе русское мессианство становится геополитическим императивом, поскольку без сильной, экспансивной России-Евразии миру грозит поглощение атлантистским (американским) мондиализмом.

Б. Консервативная революция и традиционализм (методологический ориентир — Р. Генон (Генон, 2024), Ю. Эвола (Эвола, 2018)), на основе которых миссия России обретает характеристики оплота Традиции в последней битве против мира Модерна, либерализма, глобализации. Россия представляется своеобразным «Катехоном» («удерживающим»), концептом православной эсхатологии, препятствующим окончательному торжеству зла в истории. Правда, в трактовке А. Г. Дугина она удерживает мир не только от абсолютного зла, но и от тотальной победы постмодерна и десакрализации.

В. Постмодернистский конструкционизм. В этой части А. Г. Дугин не утверждает, что Россия объективно уже состоявшийся мессия. Он утверждает, что для создания сильного, способного бросить вызов Западу

субъекта истории России необходимо принять на себя эту мессианскую идентичность как проект, как «политический миф». Это сознательное конструирование смысла и миссии — совсем в духе П. Бергера и Т. Лукмана с их социальным конструированием реальности (Бергер, Лукман, 1995).

Г. Многополярность, в рамках которой мессианство перестает быть универалистским, а тезис «весь мир должен стать русским/православным» исключается. Мессианство становится партикулярным и структурным, а миссия России обретает функцию гарантировать сам факт существования многополярного мира, где разные цивилизации (китайская, исламская, индийская и другие) смогут развиваться по своим законам. Россия в этой схеме позиционируется как лидер и защитник «мира миров» от однополярной глобализации.

Таким образом, антиатлантизм и антилиберализм являются базовыми концептами неоевразийского мессианства, поскольку миссия России заключается не в экспорте идеологии (как это было с идеей мировой революции во имя торжества коммунизма), а в окончательном разрушении гегемонии Запада (США, НАТО, либеральных ценностей). Именно такое мессианство произрастает на методологической почве *цивилизационного суверенитета*, при котором Россия позиционируется не национальным государством, а государством-цивилизацией, ядром собственного «Большого пространства», формируемом в союзе с Казахстаном, Беларусью, государствами Средней Азии, в идеале — в стратегическом альянсе с исламским миром и Китаем.

В публикациях неоевразийцев в качестве унаследованной от классических евразийцев идеи весьма рельефно просматривается эсхатологический ракурс: рассмотрение цивилизационной борьбы через экзистенциальную призму «последней битвы» (Агамаян, Дугин и др., сост., 2002; Дугин, 2000, 2018).

По мнению этих авторов, Россия, в своей зрелости перешедшая на культурно-цивилизационный уровень, находится сегодня на переднем крае апокалиптической битвы между силами Традиции (порядок, иерархия, сакральность) и Модерна (хаос, эгалитаризм, материализм).

Кроме того, неоевразийство отстаивает имманентную имперскость России в ее мессианском служении. Правда, эта имперскость заключается далеко не в привычном для всех колониальном смысле, а в смысле цивилизационно-объединительном, в ее противопоставленности национализму малых народов, который рассматривается как деструктивная сила, навязанная Западом (Дугин, 2023).

Критика и значение неоевразийской концепции русского мессианства

Безусловно, острота неоевразийских концепций и формулировок вызывает не только критику, но и отторжение со стороны представителей либерализма и западничества, которые видят в них опасную утопию, оправдание экспансионизма, агрессии и изоляционизма, ведущую к конфронтации с мировым сообществом. Впрочем, православным традиционалистам также есть за что критиковать центральную фигуру неоевразийства — А. Г. Дугина: его обвиняют в подмене подлинного православного христоцентрического мессианства языческой, геополитической и даже оккультной доктриной, в которой сакральность территории преобладает над сакральностью веры: «...Для таких концептуальных направлений, которые претендуют на то, чтобы

стать общей платформой современных „консервативных революций“, а именно — интегрального традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола), „новой правой“ (А. де Бенуа) или неоевразийства (А. Дугин), ценность личности остается не более чем чисто гуманистической выдумкой, а если какие-то религиозно-политические устремления могут быть объединены этими направлениями, то именно языческие, а точнее, неязыческие» (Малер, 2019: 3: 137).

Нельзя обойти стороной и критику со стороны «левых» направлений, которые указывают на крайне правый, реакционный характер неоевразийской идеологии, ее якобы заигрывание с фашистскими идеями (через Ю. Эволу) и социальный консерватизм.

Заключение

В философии неоевразийства идея русского мессианства как высшего проявления национального суверенитета была демистифицирована, геополитизирована и превращена в идеологический инструмент. Из религиозно-мистического ожидания она стала сознательным геополитическим и цивилизационным проектом, цель которого — создание могущественной России-Евразии как центра силы в многополярном мире и главного противовеса Западу. Такое мессианство становится мессианством борьбы и суверенитета, а не мессианством религиозного спасения. Именно в такой форме оно оказало значительное влияние на российскую элиту и стало частью официального идеологического дискурса 2000—2020-х гг., особенно после 2014 г.

Список литературы и источников / References

- Агамалян Н., Дугин А. и др., сост. *Основы евразийства*. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2002. 796 с.
 Agamalyan N., Dugin A. et al., comp. *Fundamentals of Eurasianism*. Moscow: ARKTOGEYA-tsentr, 2002. 796 p. (In Russian).
- Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания*. Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Моск. филос. фонд; Медиум, 1995. 323 с.
 Berger P. L., Luckmann Th. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York: Vintage Books, 1967. 219 p.

- Генон Р. *Кризис современного мира*. Пер. с фр. Н. В. Мелентьевой. 3-е изд. М.: Академический проект, 2024. 238 с. Философские технологии.
Guénon R. *La crise du monde moderne*. Paris: Nouvelle librairie nationale, 1927. 243 p. (In French).
- Дугин А. Г. *Бытие и Империя. Онтология и эсхатология Вселенского царства*. М.: АСТ, 2023. 782 с. Империя Царьград.
Dugin A. *Being and Empire. Ontology and Eschatology of Ecumenical Tsardom*. Moscow: AST, 2023. 782 p. (In Russian). Imperiya Tsar'grad.
- Дугин А. Г. «Вестернология: в направлении суверенной русской науки». *Вестник Государственного университета просвещения сер. История и политические науки* 3 (2024): 7–21. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-3-7-21>. EDN: NKKHSZ.
Dugin A. G. “Westernology: Towards a Sovereign Russian Science”. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya ser. Istoriya i politicheskiye nauki = Bulletin of State University of Education ser. History and Political Sciences* 3 (2024): 7–21. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-3-7-21>
- Дугин А. Г. *Геополитика постмодерна: времена новых империй, очерки геополитики XXI века*. СПб.: Амфора, 2007. 382 с.
Dugin A. G. *Geopolitics of Post-Modern: Times of New Empires, Essays on 21st Century Geopolitics*. St. Petersburg: Amfora, 2007. 382 p. (In Russian).
- Дугин А. Г. *Москва — Третий Рим: семь диспенсаций русской идеи*. СПб.: Владимир Даль, 2024. 239 с.
Dugin A. G. *Moscow is Third Rome: Seven Dispensations of Russian Idea*. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2024. 239 p. (In Russian).
- Дугин А. Г. *Ноомахия. Войны ума. Горизонты и цивилизации Евразии. Индоевропейское наследие и следы Великой Матери*. М.: Академический проект, 2018. 723 с.
Dugin A. G. *Noomakhia. Wars of the Mind. Horizons and Civilizations of Eurasia. The Indo-European Legacy and the Footprints of Great Mother*. Moscow: Akademicheskij proyekt, 2018. 723 p. (In Russian).
- Дугин А. Г. *Основы геополитики: геополитическое будущее России*. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. 928 с.
Dugin A. G. *Fundamentals of Geopolitics: Geopolitical Future of Russia*. Moscow: ARKTOGEYA-tsentr, 2000. 928 p. (In Russian).
- Дугин А. Г. *Четвертая политическая теория: Россия и политические идеи XXI века*. СПб.: Амфора, 2009. 350 с.
Dugin A. *Fourth Political Theory*. London: Arktos Media, 2025. 216 p.
- Колесниченко Ю. В. «Россия как государство-цивилизация и евразийская теория права». *Россия как самобытная цивилизация и открытое культурное пространство: сб. науч. тр. XXXI Междунар. конф.* (С.-Петербург, 23–24 апр. 2025 г.). СПб.: СПбПУ Петра Великого, 2025. 98–100. EDN: KJGXYP.
Kolesnichenko Yu. V. “Russia as State-Civilization and the Eurasian Theory of Law”. *Rossiya kak samobytnaya tsivilizatsiya i otkrytoye kul'turnoye prostranstvo: sb. nauch. tr. XXXI Mezhdunar. konf.* (S.-Peterburg, 23–24 apr. 2025 g.). St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytech. U, 2025. 98–100. (In Russian).
- Маккиндер Х. *Географическая ось истории*. Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2023. 350 с.
Mackinder H. J. *The Geographical Pivot of History*. London: Royal Geographical Society, 1904. 444 p.
- Малер А. М. «Понятие личности в секулярном и постсекулярном понимании». *Тетради по консерватизму* 3 (2019): 131–138. <https://doi.org/10.24030/24092517-2019-0-3-131-138>. EDN: QULFGT.
Maler A. M. “Secular and Post-Secular Understanding of the Concept of Personality”. *Tetrady po konservativizmu* 3 (2019): 131–138. (In Russian). <https://doi.org/10.24030/24092517-2019-0-3-131-138>
- Трубецкой Н. С. *Европа и человечество*. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920. 82 с.
Trubetskoy N. S. *Europe and Humanity*. Sofiya: Rossiysko-bolgarskoye knigoizd-vo, 1920. 82 p. (In Russian).

- Хаусхофер К. *Геополитика: политическое значение географических границ*. Пер. с нем. И. Г. Усачева. М.: Социум, 2022. 459 с.
Haushofer K. *Geopolitics: Political Meaning of Geographical Boundaries*. Transl. from German by I. G. Usachev. Moscow: Sotsium, 2022. 459 p. (In Russian).
- Хаусхофер К. *О геополитике*. Пер. с нем. И. Г. Усачева. М.: АСТ, 2024. 414 с. Мировой порядок.
Haushofer K. *On Geopolitics*. Transl. from German by I. G. Usachev. Moscow: AST, 2024. 414 p. (In Russian). *Mirovoy porjadok*.
- Шмитт К. «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил». Шмитт К. *Номос Земли в праве народов Jus publicum Europaeum*. Под ред. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2008. 479–572. *Civitas Terrena*.
Schmitt K. *Völkerrechtliche Großraumordnung: mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht*. Berlin: Duncker & Humblot, 1991. 82 S. (In German).
- Эвола Ю. «О роли римского духа в новой Германии». Эвола Ю., Кабаньяс Т., Гюнтер Г. и др. *Корни Европы*: [сб. статей и очерков]. Белгород: Тотенбург, 2018. 134–142.
Evola J. “On the Role of Roman Spirit in New Germany”. *Roots of Europe*: [collection of papers and essays]. By J. Evola, T. Cabanñas, H. Günther et al. Belgorod: Totenburg, 2018. 134–142. (In Russian).

Информация об авторах

Бондарев Василий Леонидович — аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0009-0000-7573-3418.

Леонов Алексей Владимирович — аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А), leonoff@rambler.ru, ORCID: 0009-0004-8909-0985.

Авторский вклад

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Information about the authors

Vasily L. Bondarev — Postgraduate Student of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0009-0000-7573-3418.

Aleksey V. Leonov — Postgraduate Student of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A), leonoff@rambler.ru, ORCID: 0009-0004-8909-0985.

Author Contributions

The authors have made equivalent contributions to the preparation of article.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025, одобрена после рецензирования 17.03.2026.
The article was submitted 24.12.2025, approved after reviewing 17.03.2026.